

**Лекция «Роль демонологических рассказов в русской и китайской литературе
(на примере «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя и «Рассказов Ляо Чжяя
о необычном» Пу Сунлина)»**

Изучение взаимодействия и влияния друг на друга двух таких самостоятельных художественных систем, как фольклор и литература, остается одним из актуальных научных направлений современной филологии. С конца XX в. и до наших дней исследователями выделяются основные принципы и закономерности этого процесса, ведется работа над дополнением и уточнением термина «фольклоризм»¹, который в своих работах используют культурологи, фольклористы и литературоведы.

Фольклоризм рассматривается как «социально детерминированный эволюционный процесс адаптации, репродукции и трансформации фольклора в условиях, отличающихся от тех, в каких развивался и бытовал традиционный фольклор»². Этим термином также обозначается «сознательное обращение писателей к фольклорной эстетике»³. Д.Н. Медриш определяет фольклоризм как художественное качество литературного произведения, появившееся в результате взаимодействия фольклора и литературы⁴. Мы будем понимать под фольклоризмом явление литературного заимствования элементов устного народного поэтического творчества, учитывая, что в разных произведениях оно осуществляется на разных уровнях текста.

В этой лекции наше внимание сконцентрировано на структурном фольклоризме, т. е. на особенностях функционирования в художественном произведении фольклорных жанров. Мы обратились к демонологическим рассказам (в русской устной поэтической традиции обычно их обозначают термином «быличка»), оказавшим значительное влияние на становление и развитие литературы как Запада, так и Востока⁵.

Повествования о контактах людей с мифологическими персонажами зародились в глубокой древности и знакомы большинству культур. Эти произведения посвящены реальным (с точки зрения народа) событиям, в основе которых лежит столкновение / конфликт / встреча представителей нашего (человеческого) и иного (хаотического / потустороннего) миров. Тексты имеют небольшой объем, функционируют во время такой коммуникативной ситуации, как беседа (особое доверительное общение)⁶, и порой их сложно выделить среди потока обыденной речи, в отличие от многих других жанров традиционного фольклора.

Быличка подразумевает наличие слушателя и повествователя, постоянно меняющихся ролями. Между ними либо происходит обмен опытом (в рассказах содержится информация, как вести себя с потусторонними силами), либо ведется фактическое общение, если все участники разговора сведущи в затронутой теме. Часто наблюдается совмещение обеих функций: при рассказывании былички осуществляются и сопереживание, и передача информации. В основе этого древнего фольклорного жанра лежит попытка личного

¹ Бессонова Л.П., Степанова Т.М., Типология фольклоризма литературных текстов // CYBERLENINKA.RU: научная электронная библиотека. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-folklorizma-literaturnyh-tekstov> (дата обращения: 26.08.2013).

² Гусев В.Е. Типология литературного фольклоризма: На материале истории русской литературы. – Челябинск: Урал. гос. ун-т, Челяб. гос. ун-т, 1991. – 96 с.

³ Далгат У.Б. Литература и фольклор. Теоретические аспекты. – М.: Наука, 1981. – 303 с.

⁴ Медриш Д.Н. Взаимодействие двух словесно-поэтических систем как междисциплинарная теоретическая проблема // Русская литература и фольклорная традиция. Сб. науч. трудов. – Волгоград, 1983. – С. 3–16.

⁵ Мелетинский Е.М. Проблемы сравнительного изучения средневековой литературы (Запад / Восток) // GUMER.INFO: электронная библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/melet10/15.php (дата обращения: 15.09.2013).

⁶ Левкиевская Е.Е. Быличка как речевой жанр // RUTHENIA.RU: интернет-портал учебно-научного Центра типологии и семиотики фольклора. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/levkievskaya5.htm> (дата обращения: 02.09.2013).

эмоционального познания окружающего мира, особенно тех событий, которые не укладываются в традиционную схему взаимосвязи предметов и явлений.

Среди основных (универсальных) черт былички назовем:

- установку на достоверность при повествовании о фантастических событиях,
- изображение вмешательства потустороннего мира в обыденное течение жизни,
- установку на доверительную беседу между слушателем и рассказчиком.

Благодаря своей универсальности и соотнесенности с общекультурными представлениями, комплекс основных черт демонологических рассказов (или быличек), а также их принципы повествования и создания образов активно заимствуются литературой (как европейской, так и азиатской).

Мы считаем, что выявление элементов былички в художественном тексте, а также ее роли в нем может послужить отправной точкой при сопоставительном анализе произведений, принадлежащих разным эпохам и литературным традициям. Такой подход, способствующий выделению общих черт и закономерностей, облегчит восприятие текста, созданного другой культурой, и обеспечит его более глубокое понимание, соотнесение с общемировым литературным процессом.

Исследуя роль былички в русской и китайской литературе, мы обратились к двум произведениям: «Вечерам на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя⁷ и «Рассказам Ляо Чжая о необычайном» Пу Сунлина⁸. Хотя тексты друг от друга отделяют более ста лет и они созданы разными культурами, у них, даже при беглом сопоставлении, обнаруживается много общих черт. Они известны не только у себя на родине, относятся к золотому фонду литературы и любимы широким кругом читателей. К тому же (что для нас является самым главным), как «Вечера...», так и «Рассказы...» насыщены фольклором.

Известно, что Н. В. Гоголь, работая над своим произведением, по точности изображения быта и нравов Малороссии не уступал исследованиям этнографов и фольклористов. Писатель не только самостоятельно собирал этнографический материал, но и просил своих родных и друзей присылать необходимую информацию⁹. Для китайской литературы, бережно относящейся к традиции, вобравшей в себя произведения устного народного творчества и развивавшей их лучшие черты¹⁰, и для творчества Пу Сунлина, в частности, фольклор также являлся бесценным источником идей и вдохновения.

В качестве фольклорного жанра, организующего оба произведения, выступает быличка, или демонологический рассказ, что проявляется в ряде признаков. В первую очередь, это создание ситуации доверительной беседы, обеспечивающее диалогичность текста и общую установку на достоверность повествования.

В обоих циклах имеется свой рассказчик: Рудый Панек у Н. В. Гоголя и Ляо Чжай у Пу Сунлина. Литературоведы уже останавливались на образе пасечника, выступавшего в роли издателя «Вечеров» и главного героя предисловий. Обращали внимание на соотношение образа с потусторонним миром (род занятий, рыжий цвет волос), проводили параллели с европейской литературой эпохи романтизма (творчество В. Скотта). Нас же интересуют связанные с Рудым Паньком такие принципы повествования, как установка на задушевную беседу, общий тон фамильярной болтовни, пересыпанной добродушными шутками, отмеченные еще В. В. Виноградовым¹¹: *«У нас, мои любезные читатели, не во гнев будь сказано (вы, может быть, и рассердитесь, что пасечник говорит вам запросто,*

⁷ Гоголь Н.В. «Вечера на хуторе близ Диканьки» // GRAMOTEY.COM: электронная библиотека. URL: http://www.gramotey.com/?open_file=141133716447 (дата обращения: 20.08.2013).

⁸ Пу Сунлин «Рассказы Ляо Чжая о необычайном» // GRAMOTEY.COM: электронная библиотека. URL: http://www.gramotey.com/?open_file=1269003671 (дата обращения: 20.08.2013).

⁹ Пумпянский Л.В. Гоголь // Классическая традиция. Собр. трудов по истории русской литературы. – М., 2000. – 864 с.

¹⁰ Войтишек Е.Э., Ядрихинская А.К. Средневековая и современная китайская повесть: опыт сравнения в культурологическом аспекте // Китай и окрестности: мифология, фольклор, литература. М.: РГГУ, 2010. 635 с.

¹¹ Виноградов В.В. Этюды о стиле Гоголя // FEB-WEB.RU: фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/gogol/critics/v76/v762228-.htm> (дата обращения: 17.06.2013).

как будто какому-нибудь свату своему или куму) ... За то уже, как пожелаете в гости, то дынь подадим таких, каких вы отроду, может быть, не ели». Эти принципы воспроизводят ситуацию фатического общения, неформального диалога, в условиях которого и функционирует быличка. Кроме того, в сборнике называются еще три рассказчика: Фома Григорьевич, Макар Назарович и Степан Иванович. Расширяя круг повествователей и вовлекая читателя в доверительную беседу, Н. В. Гоголь словно наблюдает за происходящим со стороны. Автор намеренно отступает на второй план, тогда как на первом – совсем другие рассказчики, верящие в то, о чем они говорят. Таким образом подчеркивается общая установка на достоверность (одна из отличительных черт былички).

В «Рассказах Ляо Чжая о необычайном» повествование также ведет не Пу Сунлин. Автор выбирает себе псевдоним (Ляо Чжай). С одной стороны, такое действие традиционно для китайской литературы, с другой же мы видим в этом авторскую установку на создание ситуации доверительной беседы с читателем. Ляо Чжай выступает посредником между автором и читателями, между читателями и многими рассказчиками, когда-то поведавшими ему свои истории: *«Некий Лю Цзыцзин, родственник Сана, показал мне составленную его земляком Ван Цзычжаном «Повесть о студенте Сане». В ней было около десяти тысяч слов. Я сразу же прочел ее – и вот это, в общих чертах, пересказ повести»*. Во многих событиях фигурируют родственники, знакомые, друзья, а то и просто земляки Ляо Чжая, чем подчеркивается правдивость рассказов. Благодаря авторским комментариям сохраняется и характерная для былички установка на диалог, когда, например, мы встречаем прямое обращение к читателю, заставляющее его мысли снова вернуться к только что прочитанному: *«Мы видели, как девушка заливалась глупым смехом, и, казалось, не правда ли, что в ней нет ни сердца, ни души. Однако устроить у стены такую злую штуку кто мог бы умнее ее? Опять же, так любить и жалеть свою мать!.. Быть бесовской породы, и вдруг перестать смеяться, даже наоборот – заплакать...»*.

Ни Н. В. Гоголь, ни Пу Сунлин не стремятся напрямую выразить авторскую точку зрения. Читателю, вовлеченному в диалог, позволено сделать самостоятельный выбор: поверить / не поверить рассказчикам, увлечься красочными и волшебными событиями либо сделать на их основе более глубокие выводы.

В обоих сборниках повествование построено вокруг вмешательства представителей потустороннего мира в течение обычной человеческой жизни. Разумеется, образы китайской и русской демонологии отличаются друг от друга, хотя и у них можно обнаружить общие корни (соотнесение женского образа с хаотическим началом, представления о способности покойников влиять на жизнь живых, вера в то, что служители культа наделены особой магической силой или связаны с потусторонним миром и т.п.). В произведении Н. В. Гоголя действуют русалка, ведьма, черт, колдун, у Пу Сунлина – лиса (лис, лисенок), бес, маг, даос.

Зачастую встреча с обитателями иного мира оказывается проверкой героя, его нравственных качеств. В «Вечерах...» Левко, сочувствуя мертвой панночке-русалке, помогает ей поймать ведьму и в награду женится на возлюбленной Ганне («Майская ночь, или утопленница»). Кузнец Вакула не поддается бесовскому наваждению и приносит Оксане черевички самой царицы («Ночь перед Рождеством»). Храбрый дед отправляется за пропавшей шапкой к черту, побеждает ведьму и благополучно возвращается назад («Пропавшая грамота»). В «Рассказах Ляо Чжая...» сановник Цзя Цзылун доказывает лису свою честность и живет счастливо, периодически встречаясь со своим другом («Чжэнь и его чудесный камень»), за мужество и находчивость министр Инь получает драгоценную чашу («Лис выдает дочь замуж»), даос Хань помогает человеку, решившему завязать с азартными играми («Талисман игрока»). У обоих авторов честность, умение сопереживать, верность, отвага героя обеспечивают ему безопасность и расположение потусторонних сил.

Отрицательные же персонажи часто посрамлены и наказаны. В «Рассказах Ляо Чжая...» даос лишает жадного мужика, пожалевшего одну грушу, всего товара («Как он сажил грушу»); бессовестный чиновник умирает, не успев покаяться («Содержание чиновника»); военный кандидат Ши нарушивший слово, данное лисе, умирает («Военный

кандидат»). В «Вечерах...» Петрусь, убивший ради клада ребенка, через год погибает сам («Вечер накануне Ивана Купалы»); в «Страшной мести» рассказывается история распри Ивана и Петра, и подчеркивается идея посмертного наказания за грехи; в «Ночи перед Рождеством» высмеиваются сластолюбивые дьячок и голова и т.д.

В обоих произведениях идея наказания отрицательных и награды положительных героев не является самой главной. Прежде всего, и в «Вечерах...», и в «Рассказах Ляо Чжяя...» подчеркивается постоянное неизбежное присутствие в мире людей хаотического начала. Именно эту ситуацию воспроизводят в своих произведениях как Пу Сунлин, так и Н. В. Гоголь. Человек оказывается бессильным перед потусторонним миром, который свободно вмешивается в обычную размеренную жизнь. То в окно во время застолья заглянет какая-то бесовская рожа («Сорочинская ярмарка»), то приснится странный и непонятный сон («Иван Федорович Шпонька и его тетушка»), то герой, только что плясавший дома, вдруг обнаруживает себя в неизвестном месте («Заколдованное место»). В «Рассказах Ляо Чжяя...» говорится, что судьба героя изначально предрешена и связана с демоническим персонажем («Красавица Цинфен»), либо подчеркивается, что появление беса или оборотня-лисицы, от которых никак не избавиться, ничем не обусловлено («Злая тетушка Ху»).

В обоих произведениях также выделяем стремление текстов к циклизации, связанное с поэтикой демонологических рассказов. У Н. В. Гоголя все повести можно разделить на две группы: соотносящиеся с народными календарными праздниками («Вечер накануне Ивана Купалы», «Ночь перед Рождеством», «Майская ночь или утопленница») и рассказывающие о вмешательстве нечистой силы в быт («Сорочинская ярмарка», «Пропавшая грамота», «Заколдованное место» и др.). У Пу Сунлина в основном представлены циклы текстов, связанных с определенным персонажем, его вмешательством в обычную жизнь людей. Но в обоих случаях сохраняется характерная для исполнения и бытования былички ситуация «нанизывания»: внешние события, или упоминание героя из потустороннего мира становятся поводом вспомнить еще одну историю.

Таким образом, роль былички в исследуемых произведениях, принадлежащих к золотому фонду соответственно русской и китайской литературы, велика: из этого жанра заимствуются установка на достоверность, наличие образа рассказчика, способ организации повествования, принципы создания атмосферы особой доверительной беседы, изображение вмешательства потустороннего мира в обычную жизнь людей.

Намеченный подход к сопоставительному анализу литературных произведений через поиск соотношения с известным фольклорным жанром (вместо былички можно рассматривать, например, сказку) позволит не только понять произведение, созданное чужой культурой, но и глубже проанализировать текст, являющийся достоянием родной / своей культуры, расширив тем самым область филологических исследований.

М. С. Киселева,
канд. филол. н., старший преподаватель